

Александр ВОЛОДИН:

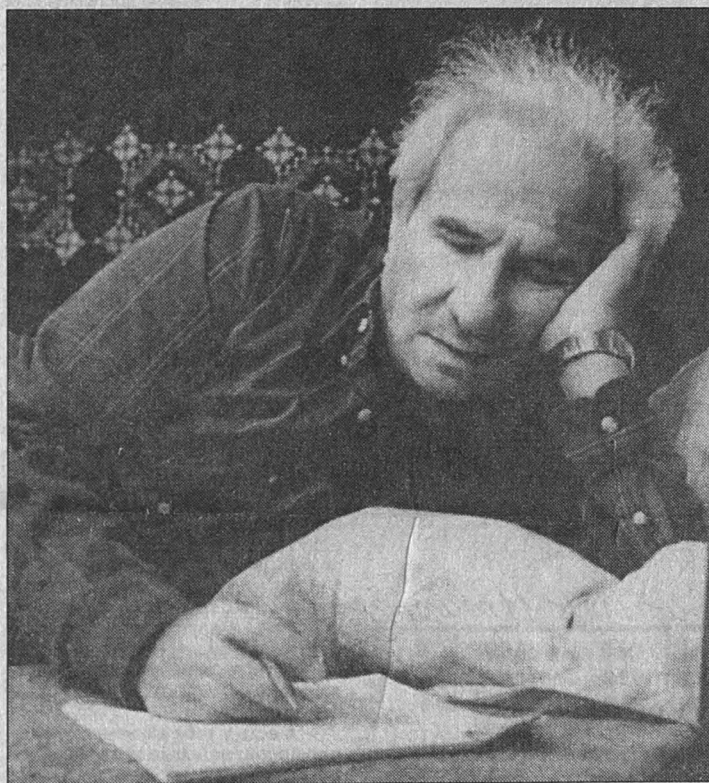
Веч. Москва — 1999 — 11 марта

Спасибо вам, за то, что я у вас есть

За окном было минус двадцать пять. У Володи температура — плюс тридцать девять, о чем он участливо предупреждал каждого, примеряющегося к нему с поцелуем: «Заражу!». Но было поздно. Потому что зараженных Володиным, не гриппом его, — талантом, собрался целый Дом актера питерского СТД. Хотя и юбилар оказался скромный, для которого заслуженные чествования — мука непритворная: «Мне тяжелы все эти застолья, все говорить будут, а я — сидеть, как дурак... Нет, это не по мне». Но не лишать же было на самом деле страну праздника — 80-летия Александра Моисеевича Володина. И, в частности, тех его почитателей, кому 10 февраля посчастливилось быть вместе с ним.

Юбилар себя чувствует вполне

Ему писали: «Ленинград, Володину». И доходило!

школьника, брат спросил: «Пастернака читал?» — и дал книжку. Я, конечно, начал читать и ничего, естественно, не понял. Абсолютно ничего. Но время от времени меня изгоняли из дома. Мой дядя жестом короля Лира указывал пальцем на дверь и кричал: «Вон!». И тогда под навесом у подъезда я вспоминал пастернаковские строчки, которые мне недоступны были — все про дождь, про дождь, про дождь...

«У капель тяжесть запонков...» или «...Так носят капли вести об отъезде, и всю-то ночь то цокают, то едут, стуча подковой об одном гвозде...»

Потом, зимой, когда выгоняли, я понял про снег:

«Только белых мокрых комьев, быстрый промельк маховой».

И с тех пор Пастернак сопровождал меня всю жизнь».

«Я не верил, что какая-нибудь женщина меня сможет полюбить. Галля Волчек однажды сказала: «Саша, ты ведь такой, на тебя одна женщина посмотрит, ты и готов, потому что думаешь, что уже другая не посмотрит». Ну на меня одна посмотрела, я и был готов, и у нас появился ребенок. Эта женщина умерла, ребенка я взял к себе.

Когда это случилось, Алеше было пять лет. Только через полгода я решился сказать ему:

— Алеша, а тебя не удивляет, что мы давно не видим маму?

Не помню, что он ответил, но оказалось, что давно уже догадался. Спросил:

— Мама была красивая?

— Да, — говорю.

— А ты не можешь жениться на молодой и красивой, чтобы она мне тоже понравилась?

Я обещал».

«Мы дети столько грехов, что надо научиться хоть что-то прощать самим себе...»

Пользуясь тем, что я по временам выпиваю (не становясь, подчеркиваю, алкоголиком), жена и ее сестра разговаривают со мной развязно, иногда тоном приказания, как, например: «Садись. Не туда — сюда. Сейчас я тебе борща налью». В ответ на что я написал плакат на стенке: «Я свободный человек». Однако даже это не изменило ситуацию к лучшему. Тогда я вывесил другой плакат, в завуалированной форме, как бы цитата из Пушкина: «Он в семье своей родной казался девочкой чужой». Однако и это должным образом не повлияло. Поэтому вынужден обратиться к мнению общественности...

Сейчас у меня жизнь какая? Жена болеет, молчит, я с ней молчу. Женщина, которая меня любила, очень красивая и очень умная, как-то нашу общую знакомую попросила: «Спроси у него, почему он на мне тогда не женился?». А потому, что не мог сказать жене, что я ужо, не мог ска-

зать эти слова. Это было невозможно. С тех пор уже двадцать лет прошло, иногда по ночам она звонит... Вот так испортил жизнь этой женщине и жене, которая все знала. Сначала догадывалась, потом ей сказал... Врать-то я не могу. Если нет разговора, то и нет, а если спрашивают, то у меня нет слов, чтобы обойти правду. Так было всегда. И везде. До сих пор вспоминают: «Что он говорил тогда на всяких творческих встречах! Мы боялись его слушать, мы думали, нас всех вместе с ним посадят».

«Когда в альманахе «Молодой Ленинград» первый мой рассказ приняли, воодушевленный этим я пришел с шестилетним сыном в издательство. Редактор мне говорит:

— У вас такая фамилия, что вас будут путать. Один написал плохую статью о Шагиняна, у другого какие-то нелады на радио.

Я-то понимал, в чем дело. Моя фамилия немыслима в оглавлении среди хороших молодых русских писателей.

— Что же делать? — спрашиваю.

— Это кто — ваш сын?

— Да.

— Как его зовут?

— Володя.

— Вот и будьте Володиным.

И я стал».

«Как хорошо однажды понять, что ты — человек прошлого. Знакомые думают, что они знают тебя, а на самом деле они помнят тебя. Женщины прошлого красивы, деревья прошлого густы... Стать человеком прошлого в старости — поздно, когда ничего нет в настоящем, то и прошлое не поможет. Но сейчас, когда можно еще жить настоящим, хорошо бы не зависеть от него. Да и от прошлого можно не зависеть. Каким я его вспомню, таким оно и вспомнится...»

Говорят, страна наша лет через пятнадцать, а кто говорит — через сто, — восстановит из нищеты и жалкости. Но нас тогда уже не будет. И шестидесятников не будет... Может быть, дети, самые маленькие доживут?»

«Безвыходных положений нет. Если трудно вместе — можно разойтись. Если, напротив, конфликт на работе — можно найти другую, похуже. Если плохо в одном городе — можно уехать в другой, поменьше. Если больше невозможности жить — можно перестать. Это случилось, и не раз, и с более достойными. Умерли все: Эйнштейн и Эйзенштейн, Гомер и Флобер, Фадей и Фет... Безвыходных положений нет».

А потом, после официальных церемоний, все много пили. И не что-нибудь, а

«Пять вечеров», «Фокусника», «Фабричную девчонку», «С любимыми не расставайтесь» — водку, к юбилею названную по володинским пьесам. Пили за него и без него. За юбиляра, который «всего на двадцать лет моложе Русского музея», и за «Красную стрелу», из Москвы в Питер, из Питера в Москву перевозившую столько наших актеров, а когда-то, возможно, и москвича Лифшица, ставшего ленинградцем Володиным. Преклоняли колени со сцены перед драматургом, а ночью в банкетном зале заодно и перед Кириллом Лавровым, потому что юбиляра уже увели, а актерские жесты все еще рождались и рождались...

Близким зачитывали надписанное рукой Володина в самом нелюбимом им жанре — автографа на книге — типа «МХАТ! Дорогой мой! Всем твоим актерам еще трезвый Володин». Вспоминали строчки из его стихов: «На шаре тесенском столпились мы. Друг другу песенки поем из тьмы». И цитировали незабвенное из «Осеннего марафона» — володино-леоновское: «Хорошо сидим!».

Курсивом даны выдержки из юбилейных высказываний и недавно вышедших в издательстве Фонда Русской поэзии «Записок нетрезвого человека» Александра Володина.

Санкт-Петербург — Москва

Ирина КОРНЕЕВА

З а кулисами в Доме актера на Невском — все здороваются, целуются. И идет самый напуганный — Володин. Показывает неизвестный полученное заграничное письмо с фотографиями: «Вот дом, вот остров. Это остров женщины, которая про меня пишет...» Тут на память приходит мемуар Володина, как некогда маленькая четвертинка водки, подаренная ему женой на день рождения, оборачивалась большой дырой в семейном бюджете. Но дело сейчас совсем не в ней, четвертинке, хоть и прошла она лейтмотивом по жизни Володина; и прятали ее, заветную, в день 80-летия в подарочных корзинах с цветами среди лепестков роз...

«Еще один день рождения. В детстве поздравляли старшие, и твоя жизнь становилась для тебя значительной, праздничной... Старших нет. А поздравления младших не поднимают тебя, как прежде, в собственных глазах...»

Сказал это Володин раньше и не в связи с грядущей датой. Но все равно «младшие», знаменитые по фильмам Володина и сотни раз выходившие на публику в спектаклях по его пьесам, тем вечером с удивлением замечали друг у друга дрожь в руках, вату в носках или краску в лице.

Как сказать о Володине? Что говорить о дорогом тебе человеке, когда он сидит перед тобой и смотрит прямо в лицо?

Олег Баилашвили — по дороге из зрительного зала на сцену: «Ситуация комическая: сижу рядом с Володиным, когда подходит моя очередь, отбираю у него свои цветы и иду с ними со сцены его поздравлять». Добравшись до микрофона: «Я вспоминаю, как мы с вами работали над «Осенним марафоном». Ничего более счастливого на съемочной площадке я не переживал...»

Алиса Фрейндлих: «Володин ушел из театра, потому что его юбили, а у нас не было мощи его защитить. Кино было более могущественным, оно могло сохранить его — и мы его лишились. Театр осиротел, брошенный Володиным. И до сих пор (со времен Чехова, наверное) среди драматургов нет ни одного с такой плотностью мысли при прозрачности слова».

Александр Кушнер: «Критика травли его, а он, как велосипедист по деревне, ехал и ехал. Главное в таких случаях — не останавливаться. Вот и он: собаки лают, а он пишет».

Станислав Любшин: «Современник» родился с «Вечно живых» Розова, а становление этого театра произошло, когда появился драматург Володин. Сколько актеров и режиссеров благодарны вам за то, что соприкасались с вашей драматургией, с вашими персонажами... Вы создали и мою судьбу...».

Михаил Боярский: «Это человек, который никогда не играл, но всегда им был — героем нашего времени».

И так далее, и тому подобное. От власти законодательной и исполнительной. От МХАТа, «Современника» и всех театров Петербурга. От молодых и не очень. От играющих, ставящих, правящих, поющих и пишущих. Юрий Шевчук в тот вечер не пел, но препод-

...П ьес Володин больше не пишет. Хотя в театрах их по-прежнему ждут. А говорит он — как пишет, и говорит так, что другой за всю жизнь не напишет. Вот например.

«Как-то у меня, тринадцатилетнего